

Так случилось, что я никогда не видел своего прадеда Асафа Пибоди. Мне было пять лет, когда он скончался в старинной родовой усадьбе, расположенной к северо-востоку от Уилбрема, городка в штате Массачусетс. Помнится, во время его болезни родители возили меня туда, но даже взглянуть на старика мне не удалось: взрослые поднялись к нему в спальню одни, оставив меня на попечение няни. Прадед слыл богачом, но, как известно, каждый новый наследник беднее предыдущего: даже камень не вечен, что уж говорить о деньгах — время тем более их не щадит. Наследство подтачивают налоги, а после смерти прадеда оно к тому же часто переходило из рук в руки. Сначала умер дед. Потом скончалось двое моих дядюшек: один погиб на Западном фронте, другой потонул на «Лузитании». Третий дядя умер задолго до своих двух братьев, и поэтому усадьба отошла к моему отцу.

У отца напрочь отсутствовал вкус к сельской жизни — этим он отличался от остальных родичей. Он не собирался хоронить себя в глуши и потому не проявлял должного интереса к унаследованной усадьбе. Деньги же прадеда отец пустил в дело, приобретая акции нескольких бостонских и нью-йоркских фирм. Мать тоже не разделяла моего жгучего любопытства к уединенной массачусетской усадьбе. И все же с имением не расставались. Однажды, когда я во время каникул гостил дома, мать в разговоре с отцом предложила продать старую развалину, но отец отказался самым решительным образом. Помню, меня поразила та ледяная (другого слова не подобрать) отчужденность, с какой он выслушал это предложение, а также произнесенные им загадочные слова: «По предсказанию деда, один из его потомков возродит старое владение». На это последовала презрительная реакция матери: «Господи! Было бы о чем говорить! Что там осталось!» Пропустив мимо ушей ее язвительные слова, отец молчал, продолжая хранить на своем лице поразившее меня выражение холодной замкнутости. Своим молчанием он как бы говорил, что есть чрезвычайно важные причины, чтобы воздерживаться от продажи имения, но не в его власти открывать их. И все же сам он никогда не навещал туда, хотя исправно платил налоги через своего поверенного в делах, некоего Ахаба Хопкинса, юриста из Уилбрема. Тот регулярно извещал родителей о положении дел в имении, советуя «поддерживать его в надлежащем порядке», они же пропускали его советы мимо ушей, полагая, что вкладывать средства в усадьбу — пустая трата денег.

Хозяйство было полностью заброшено. Хопкинс попытался было сдать старый дом, но особого успеха не имел. Кое-кто снимал его на короткий срок, но потом он снова надолго пустел. Родовое гнездо Пибоди медленно разрушалось от сырости и времени. Тогда-то в результате трагического стечения обстоятельств, а именно — после гибели обоих родителей осенью 1929 года в автомобильной катастрофе, хозяином усадьбы стал я. Хотя это событие совпало с началом затяжного экономического кризиса и недвижимость неуклонно падала в цене, я все же решил продать наш бостонский дом и вырученные деньги вложить в благоустройство имения. После смерти родителей мне отошел достаточно солидный капитал, и потому я решил оставить юридическую практику, которая отнимала у меня много времени и сил, и поселиться на природе.

Мне не терпелось осуществить свой план, но вначале следовало привести в порядок хотя бы уголок в старом доме. Ведь надо же где-то на скорую руку обосноваться. Заложенный в 1787 году особняк затем обустраивался несколькими поколениями. Первоначально это было типичное жилище колониста — строение строгих пропорций, с четырьмя внушительного вида колоннами по фасаду и недостроенным третьим этажом. Со временем именно эта часть стала основной — сердцевиной дома. Впоследствии дом постоянно подвергался реконструкциям, расширялся, становясь все более громоздким. Был закончен полностью третий этаж, подведена лестница. Появились многочисленные флигели и служебные помещения. К тому времени, когда я решил здесь обосноваться, особняк превратился в бесформенную громадину и вместе с садом, не уступавшим по заброшенности дому, занимал более акра земли.

Здание уже полностью утратило свой строгий колониальный стиль. Архитектура его стала эклектична: каждый из владельцев вносил в облик дома что-то свое. Двускатная крыша соседствовала с односкатной; оконные рамы различались величиной, причудливой лепки карнизы чередовались с классически простыми, почти аскетическими выступами. Даже слуховыми окошками снабжена была одна часть крыши. Но хотя знаток с пренебрежением отнесся бы к строению, вобравшему в себя столько несовместимых художественных стилей, для обычного человека вид его оставался довольно привлекательным. Во многом этому способствовали разросшиеся старые вязы и дубы — особняк прямо-таки в них утопал. Просвет открывался лишь в сторону заброшенного сада с розовыми кустами и зеленеющими поодаль топольками и березками. Несмотря на губительное действие времени и разноликость стилей — или благодаря этому, — особняк навевал мысли о преходящем величии и как-то удивительно соответствовал колориту местности. Казалось, его некрашенные стены гармонично сливаются с окружающими их могучими, неохватными деревьями.

В доме было ни много ни мало — двадцать семь комнат. Из них я решил привести в порядок три — все в юго-восточной части особняка. Осенью и в начале зимы я регулярно наезжал сюда из Бостона, следя за ходом работ. После того как старое дерево отчистили и натерли воском, оно приобрело дивный теплый оттенок; электрический свет изгнал из комнаты угрюмый мрак, и только затянувшиеся сантехнические работы задержали до конца зимы мой приезд. Лишь двадцать четвертого февраля я поселился в родовом гнезде Пибоди, а затем в течение месяца ломал голову, что делать дальше с домом. Первоначально я собирался сохранить только старинную часть особняка, сломав все позднейшие пристройки, но затем изменил решение. Особое очарование дома состояло для меня в том, что здесь обитали, сменяя друг друга, мои предки, здесь текла их жизнь, заполненная обыденными событиями и переживаниями.

Ночью, когда мартовский ветер глухо завывал за окном, я долго лежал без сна, томимый подозрениями, что в доме кто-то есть. Сверху доносился неясный шум. Похоже, там некто перемещался, не ступал, а именно перемещался, то есть двигался как-то необычно. Трудно сказать, на что это было похоже. Казалось, движение сосредоточено на малой площади. Вперед-назад. Вперед-назад. Помнится, я вышел в темный холл, откуда вела наверх лестница, и долго стоял, прислушиваясь и всматриваясь в темноту. Теперь звук плыл, спускаясь по ступеням, то усиливаясь, то затихая. Я продолжал стоять и слушать, пытаюсь понять, где таится его источник. Очень хотелось найти всему этому какое-то рациональное объяснение. Решив наконец, что это бьется на ветру ветка, я удалился к себе и успокоился. Шум продолжался, но теперь, когда я докопался, как полагал, до его причины, он меня больше не тревожил.

А вот замучившие меня в ту ночь сны толкованию не поддавались. Обычно наутро я забывал ночные видения, но тут они оказались настолько ярки и фантасмагоричны, что живо держались в памяти. В них я играл роль пассивного свидетеля бесконечных пространственно-временных смещений и череды обманных ощущений. Все это происходило в присутствии призрачной фигуры в остроконечной шляпе и еще какого-то неразличимого существа, которых я видел как бы сквозь призму мрачного ночного пейзажа. Но мучили меня не столько сами сны, сколько их прерывистость. Краткие видения молниеносно сменяли друг друга, каждое не имело ни начала, ни конца, а мир, в который меня уносили, был совершенно фантастичен и чужероден, как если бы находился в другом, неизвестном мне измерении. Проснулся я совершенно измученный.

На следующий день меня посетил архитектор, молодой человек, не склонный верить мрачным легендам, слагаемым в народе о старых домах, укромно затаившихся в сельской глуши. Он открыл мне прелюбопытный факт.

— Вступив во владение домом, вы, конечно, не ожидали, что в нем есть потайная комната? — спросил он, раскладывая предо мной чертежи.

— А разве она есть? — удивился я.

Есть. Может, тайная молельня, а может, темница для сбежавших рабов.

— Никогда не видел.

— Я тоже. Но взгляните сюда...

И он показал мне составленный им план дома, где было ясно видно, что вдоль северной наружной стены старейшей части здания тянется неучтенное пустое пространство. Что там было? Вряд ли молельня. Может, и правда карцер для беглых рабов? Но дом построили в те времена, когда рабы еще не сбежали в Канаду. Нет, не то.

— Вот бы взглянуть на этот тайник, — сказал я.

— Он должен быть тут.

И мы его действительно обнаружили — надежно скрытый тайник; на его след могло привести разве что отсутствие окна в северной стене спальни. Дверь в потайную комнату удачно маскировала искусная резьба, украшавшая стену из красного дерева. Не знавший о тайнике человек ни за что не распознал бы скрытую в резьбе дверь — не имея дверной ручки, она открывалась нажатием на определенный узор. Ее отыскал архитектор, лучше меня разбиравшийся в подобных делах. Перед тем как войти в потайную комнату, я задержался на пороге, изучая проржавевший запор.

За дверью находилась узкая каморка — конечно же, не молельня. В длину она тянулась футов на десять, пройти их можно было не сгибаясь, но вот в сторону из-за крутого ската крыши нельзя было сделать ни шагу. Только вперед-назад, и ни на дюйм вбок. Любопытно, что комната все еще хранила следы пребывания человека: повсюду валялись книги и бумаги, а стул, казалось, только что отодвинули от небольшого письменного стола.

Сама комната ни на что не походила. У нее были какие-то скошенные, искривленные углы, как будто строитель хотел сбить с толку ее владельца. Весь пол покрывали диковинные узоры, некоторые из них самым варварским образом были вырезаны в дощатом полу, образуя подобие круга. Углы комнаты расписаны крайне отталкивающими рисунками. Стол вызывал отвращение своим внешним видом: казалось, его спалил огонь — такого он был грязно-черного цвета. И уж явно служил не только для письменных занятий. На нем высилась кипа книг — видимо, очень старых — в кожаных, как и лежавшая рядом тетрадь, переплетах.

Общество архитектора не позволило мне изучить комнату более тщательно: убедившись в существовании тайника и бегло осмотрев помещение, он увлек меня к выходу.

— Вы, конечно, захотите снести стенку, расширить спальню и прорубить здесь окно? — спросил он. И, не дождавшись ответа, добавил: — Не станете же вы сохранять этот чулан?

— Не знаю, — уклончиво ответил я. — Пока ничего не могу сказать. Надо еще выяснить, когда сделан тайник.

Про себя же подумал: окажись комната такой старой, как я предполагаю, ни за что с ней не расстанусь. Хотелось получше рассмотреть ее, порыться в старых книгах. Да и спешки не

было — у архитектора хватало и других дел. О судьбе маленькой каморки наверху можно было еще подумать. На том и порешили.

Я собирался завтра же вновь заглянуть в тайник, но помешали обстоятельства. Во-первых, меня ждала еще одна тревожная ночь, с мучительными, навязчивыми видениями, растолковать которые я не умел, потому что прежде видел сны, только когда болел. Мне грезились мои предки, и чаще всего длиннородый старец в чудной конусообразной черной шляпе. Этот старец оказался моим прадедом Асафом, в чем я удостоверился на следующее утро, найдя его изображение в череде фамильных портретов, висевших в холле нижнего этажа. В моем сне прадед перемещался как-то странно, будто летал. Он проходил сквозь стены, шел по воздуху, не касаясь земли; его тень мелькала в кронах деревьев. И повсюду его сопровождал громадный черный кот, с той же легкостью, что и хозяин, нарушавший законы пространства и времени. Сны никак не были связаны между собой, и даже внутри каждого из них отсутствовала цельность — просто бесконечная цепь ярких, галлюцинаторных видений, хотя и с неперменным присутствием прадеда, кота и фамильного особняка. Эти сны перекликались с картинами, виденными мною прошлой ночью, демонстрируя все те же пространственно-временные фокусы, правда, с меньшей отчетливостью отдельных видений. Так я промаялся всю ночь.

А на утро вдобавок ко всему архитектор сообщил об отсрочке строительных работ. Он долго уклонялся от объяснений, но затем признался на мои настойчивые расспросы, что нанятые им строители сегодня утром в один голос заявили, что отказываются «здесь» работать. Однако мне не стоит беспокоиться: в Бостоне полно польских и итальянских безработных и, если я согласен немного подождать, он заключит с ними договор на выгодных для меня условиях. У меня не было выбора, и я согласился. Впрочем, во многом мое разочарование было напускным: к этому времени я стал сомневаться, стоит ли так уж все переделывать. В конце концов, очарование старых построек таится в стоящих за ними веках, поэтому центральную, наиболее древнюю часть усадьбы нужно лишь отремонтировать, не внося никаких новшеств. Попросив архитектора все же поторопиться, я отправился сделать кое-какие покупки.

В неприязни ко мне местных жителей я уже успел удостовериться. Но если раньше большинство старалось просто не замечать меня, а другие, с кем я успел познакомиться, небрежно кивали, то этим утром все как один отводили глаза в сторону. Даже продавцы отвечали сквозь зубы, всем своим видом показывая, что в дальнейшем мне стоит наведываться за покупками в другую лавку. Поломав голову над тем, что бы это значило, я пришел к выводу, что такое отношение напрямую связано с моими планами по переустройству усадьбы. Могли быть два объяснения. Либо фермеры считали, что усадьба в результате утратит свою прелесть, либо, напротив, боялись, что реставрация продлит ей жизнь, уничтожив все их надежды распахать лакомый кусочек земли.

Но вскоре мои догадки сменились гневом. Почему меня чураются как парии? Разве я заслужил такое обращение? Кипя от негодования, я зашел в контору Ахаба Хопкинса и пылко излил перед ним свои обиды, хотя видел, что тем немало его смущаю.

— Не принимайте все так близко к сердцу, мистер Пибоди, — попытался он успокоить меня. — Согласитесь, эти люди пережили страшный шок. Можно понять их нелюбезность и подозрительность. К тому же крестьяне очень суеверны. Сколько помню себя — а ведь я не молод, — они всегда были такими.

Серьезность, с какой Хопкинс произнес эти слова, охладила мой пыл.

— Вы сказали: шок? Простите, но я ничего не понимаю.

Адвокат посмотрел на меня с таким удивлением, что мне стало не по себе.

— Гм, видите ли, мистер Пибоди, в двух милях от вас живут некие Тейлоры. Глава семейства Джордж мне хорошо знаком. У них десяток детей. Точнее, было десять. Этой ночью одного из младших, двухлетнего малыша, похитили прямо из кровати и унесли, не оставив никаких следов.

— Мне очень жаль. Но при чем здесь я?

— Конечно ни при чем, мистер Пибоди. Вы здесь человек новый и многого не знаете... Впрочем, раньше или позже вам все равно станет известно... Здесь не любят семейство Пибоди. Более того — ненавидят.

Я не смог скрыть своего изумления.

— Но почему?

— Сами знаете, люди склонны верить самым невероятным слухам и сплетням, — ответил Хопкинс. — Вы достаточно пожили на свете, мистер Пибоди, и понимаете, что мир не изменишь. А уж деревенских тем паче. Еще ребенком я слышал о вашем прадеде всякие рассказы. Дело в том, что после его вступления в наследство здесь произошло несколько жутких случаев с похищениями малолетних детей. И вот теперь они видят связь между приездом нового владельца и возобновлением, как они полагают, страшного ритуала.

— Какой ужас! — воскликнул я.

— Согласен с вами, — проговорил Хопкинс с преувеличенной любезностью. — Но что поделать! Кроме того, уже апрель. Вальпургиева ночь на носу.

Его явно смущал мой убитый вид.

— Послушайте, мистер Пибоди, — спросил он с наигранной шутливостью, — неужели вам неизвестно, что ваш дед слыл здесь колдуном?

Я вышел от адвоката в смятении. Несмотря на пережитое потрясение и обиду, несмотря на все мое возмущение грубостью фермеров, которые демонстрировали мне неприязнь, смешанную с неподдельным ужасом, меня все же больше беспокоила возможная связь моих ночных видений с этими страшными событиями. В снах прадед являлся мне в странном виде — Хопкинс же дал вполне определенную характеристику этому моему предку. Оказывается, местный люд почитал его за колдуна или чародея — словом, мужской вариант ведьмы. Выйдя от Хопкинса, я уже не пытался проявлять любезность к встречным, которые по-прежнему отворачивались при моем приближении, а просто сел в машину и поехал домой. Но там мое терпение подверглось новому испытанию: кто-то из безграмотных и озлобленных соседей прибил к парадной двери вырванный из тетради листок, на котором нацарапал карандашом: «Праваливай пака цел, нито пажалеиш!»

Этой ночью мой сон, возможно по причине пережитых волнений, был еще беспокойнее, чем предыдущий. Но в тревожных грезах появилась некоторая связность. В них опять присутствовал мой прадед Асаф Пибоди, только теперь облик его стал еще более зловещим, а в руках он нес неразличимый в сумраке предмет телесного цвета. Не менее устрашающе выглядел и громадный кот, скользкий, или скорее парящий, бок о бок с хозяином: шерсть на нем вздыбилась, уши стояли торчком, а хвост был лихо задран кверху. Я видел, как лесами,

проселками, рощами проносился Асаф, потом замелькала череда узких коридоров и наконец он оказался в склепе. Временами я различал его и в самом доме. И повсюду его сопровождал на некотором отдалении Черный Человек — не негр, а существо черное как бы изнутри, темнее самой ночи, с глазами, пылавшими адским пламенем. За прадедом поспешали и разные мелкие твари: летучие мыши, крысы, а также гнусные карлики — полулюди-полукрысы. Мои сновидения сопровождались слуховыми галлюцинациями: я слышал сдавленные стоны и плач, как будто мучили ребенка, чей-то омерзительный утробный хохот и монотонно бубнящий голос: «Асаф будет жить. Асаф возродится».

Когда я пробудился с первыми лучами солнца в своей комнате, вырвавшись наконец-то из непривычного кошмара, в моих ушах, могу поклясться, все еще звучал детский плач. Ребенок, казалось, находился в доме. Сон больше не шел, и я долго лежал с широко раскрытыми глазами, размышляя, что принесет мне будущая ночь, и та, что следом за ней, и вереница дальнейших.

С приездом из Бостона польских рабочих я на какое-то время отвлекся и перестал думать о ночных видениях. Поляки выглядели флегматичными, добродушными людьми. Бригадир, коренастый, плотного сложения, — звали Чичерка — довольно бесцеремонно командовал тремя своими товарищами. Те же торопились выполнить любой приказ пятидесятилетнего здоровяка, как бы боясь его гнева. Рабочие обещали архитектору быть только через неделю, но тут, по их словам, сорвалась одна работенка, они и подались сюда. Послали архитектору телеграмму и выехали вслед за ней. У них есть план реконструкции, и они сразу же, не дожидаясь архитектора, примутся за дело...

Перво-наперво строители взялись счищать штукатурку с северной стены — как раз в той комнате, за которой располагался тайник, при этом они старались не повредить опоры, удерживавшие третий этаж. Я стоял и смотрел, как мастеровые аккуратно снимают вслед за штукатуркой и старую, ручной работы крепежную сетку. Стены в комнате были все в трещинах и с годами напрочь утратили первоначальный цвет. Здесь, как видно, давно никто не жил. В той части дома, где я поселился, стены тоже имели жалкий вид, но, сделав там столько кардинальных преобразований, с косметическим ремонтом я решил повременить.

Немного понаблюдав за ходом работ, я вышел из комнаты. По дому разносился глухой стук, потом он неожиданно прекратился. С минуту помедлив, я снова вернулся в помещение и увидел, как вся четверка сгрудилась у стены и истоиво крестится. Затем, в ужасе отпрянув от стены, они сломя голову бросились из дома. Поравнявшись со мной, побагровевший от волнения Чичерка выкрикнул в мой адрес какое-то несусветное ругательство. Через мгновение их уже и след простыл, а я все стоял в полном ошарашивании — слышал, как затарахтел мотор, как отъехала машина, но не в силах был сдвинуться с места.

Наконец, охваченный глубоким смятением, я направился к месту, где поляки только что работали. Рядом со стеной валялись забытые ими при бегстве инструменты. Они уже успели снять изрядный слой штукатурки, обнажив у плинтуса часть стены, сохранившей следы минувших десятилетий. Но только подойдя совсем близко, я увидел то, что так напугало рабочих, и понял, почему в такой панике и страхе бежали они из моего дома.

Ведь в основании стены, за плинтусом, завернутые в пожелтевшую и почти истлевшую бумагу с еле различимыми древними кабалистическими знаками, рядом с гнусными орудиями убийства — короткими кинжалами с ржавыми следами крови — лежали крошечные черепа и скелеты по меньшей мере трех младенцев!

Я не верил своим глазам, однако находка эта подтверждала местные нелепые суеверия, о

которых днем назад рассказывал Ахаб Хопкинс. Мысль моя лихорадочно заработала. Известно, что при жизни прадеда исчезали младенцы, а его самого почитали колдуном и магом, приносившим во время своих богохульственных обрядов человеческие жертвоприношения. И вот теперь в стенах дома отыскивались зловещие свидетельства его нечестивых деяний!

Справившись с первоначальным шоком, я сообразил, что мне следует действовать, причем без промедления. Если о черепах пронюхают мои богобоязненные соседи, мне несдобровать, это ясно. Не мешкая побежал я за картонной коробкой, а вернувшись, побросал в нее кости и снес в семейный склеп. Там я ссыпал их в пустую нишу, где когда-то покоились останки Джедедиии Пибоди. При этом крошечные черепа рассыпались, к моему облегчению, в прах, теперь, если начнутся поиски, в склепе обнаружат только горсть истлевших костей. Даже эксперт не сможет дать точного заключения. И если поляки напишут архитектору о случившемся, я смогу все отрицать. Кстати сказать, в дальнейшем они никак не проявили себя — видимо, скрыли от архитектора подлинные причины своего бегства, перепугавшись до смерти.

Не дожидаясь, пока отыщутся новые рабочие, согласные выполнить все нужные реставрационные работы, я однажды под влиянием неясного инстинкта, отправился в потайную комнату, которую собирался при свете мощного электрического фонарика осмотреть самым тщательным образом. Уже на пороге меня ждало ошеломляющее открытие: после нашего с архитектором визита там кто-то побывал — об этом неопровержимо говорили следы, оставленные таинственным гостем. На пыльном полу виднелись отпечатки босых ног мужчины и кошачьих лап. Но были и более страшные свидетельства. Следы мужчины и кота начинались в искривленном северо-восточном углу, хотя там нельзя было даже выпрямиться. Эта парочка, казалось, прошла сквозь стену и направилась к черному столу, где, собственно, и оставила самые кошунственные приметы своего визита. Идя след в след за таинственными отпечатками, я чуть не натолкнулся на этот самый стол.

Он был весь забрызган какой-то жидкостью. В одном месте, по соседству с темным пятном, оставшимся на пыльной поверхности то ли от лежавшей кошки, то ли просто от небольшого свертка, растеклась мерзкого вида лужица, не более трех дюймов диаметром. Направив на стол фонарик, я пытался понять, как туда могла попасть жидкость, затем перевел луч на потолок, предположив, что он, возможно, прохудился, но тут же вспомнил, что со времени моего предыдущего прихода сюда дождя не было. Обмакнув указательный палец в лужицу, я поднес к нему фонарик. Жидкость оказалась красной, и я мгновенно понял, что это кровь. Как она попала сюда? Об этом я не осмеливался думать.

И все же разные предположения вне всякой логики, одно мрачнее другого, лезли мне в голову. Прихватив с собой несколько книг в кожаных переплетах и рукопись, я заторопился прочь из этой зловещей комнаты и перевел дух, лишь оказавшись в менее романтической обстановке, где углы были углами, а не таинственными конфигурациями, как бы заимствованными из других, неведомых человечеству измерений. Прижав к груди взятые книги, я поспешно, с тяжелым ощущением невольной вины, прошел в свои покои.

Раскрыв книги, я с ужасом убедился, что знаю их содержание, хотя могу поклясться, что никогда не видел их прежде и даже не слышал в ту пору о существовании таких трудов, как «Молот ведьм» или «О демоническом» Синистрари. Они были посвящены магии и колдовству, в них приводились разные заклинания и магические формулы, рассказывалось, как можно с помощью огня уничтожить ведьм и колдунов, говорилось об их излюбленных способах передвижения... «Прельщенные призрачными видениями демонов, они с легкостью перемещаются в ночном пространстве, путешествуя, как они сами, кстати, свидетельствуют, на некоторых животных... или сами по себе, выходя из помещения через специально

предназначенные для этого отверстия. Сам Сатана прельщает во сне ум того, кого избрал, используя для искушения окольные пути... Они берут мазь, изготовленную ими по дьявольскому рецепту на крови убиенных младенцев, обмазывают ею стул или метлу, а затем, усевшись поудобнее, тут же взмывают ввысь, будь то день или ночь. По своему желанию они могут быть видимыми или невидимыми...» Отложив это чтение, я потянулся за книгой Синистрари.

Здесь подробно говорилось о том, что колдуны и ведьмы должны через определенные промежутки времени совершать ритуальные убийства детей или другие акты кровавого насилия. В переводе с латыни это звучало буквально так: «Они обещают дьяволу совершать в установленное время жертвоприношения; каждые пятнадцать дней или по крайности каждый месяц убивать или отравлять ядом человеческое дитя, а также еженедельно творить какое-нибудь другое зло на погибель рода человеческого, навлекать на людей град, бурю, пожары, падёж скота...» Это чтение пробудило во мне острую, мучительную тревогу, передать которую слова бессильны. Я машинально перебирал остальные книги, среди которых были «Жития магов» Эвнапиуса, «О природе демонов» Анания, «Полет Сатаны» Стампы, «Слово о колдунах» Буже, а также рукопись некоего сочинения Олауса Магнуса в черном переплете из гладкой кожи, в которой я не сразу распознал человеческую.

Само присутствие в доме подобных книг свидетельствовало о повышенном интересе его хозяина к колдовству и магии и во многом объясняло живучесть предрассудков среди местного люда по отношению к моему прадеду. Но кто мог знать об этих книгах? Единицы. Значит, было что-то еще? Что же? Найденные в стене под тайником кости неопровержимо доказывали, что между усадьбой и загадочными исчезновениями детей существует какая-то злоекая связь. Впрочем, кроме меня, о находке никто не знает. Нет, видимо, в жизни прадеда помимо затворничества и скаредности было что-то еще, что вызывало у соседей такие страшные предположения. Ключ к этой загадке не найти в потайной комнате, но вот в старых подшивках «Уилбремских ведомостей», хранившихся в публичной библиотеке, он мог и отыскаться.

Полчаса спустя я уже сидел в книгохранилище, листая пожелтевшие от времени страницы. Это занятие могло затянуться, ведь я просматривал газеты без всякой системы, номер за номером, изучая все экземпляры, вышедшие в последние годы жизни моего прадеда. Я мог вообще ничего не найти, хотя некоторую надежду давала менее ревностная в те времена защита прав личности, позволявшая прессе публиковать все подряд, любые сомнительные материалы. Так минул час, а я все еще не встретил ни единого упоминания об Асафе Пибоди, хотя нашел и внимательно прочитал несколько заметок о случаях нападения на людей, чаще детей, в непосредственной близости от усадьбы Пибоди. Потерпевшие единодушно утверждали, что стали жертвой некоего «большого черного зверя», который, по их словам, легко менял свои размеры — «то был величиною с кошку, а то — со льва». Такие заявления объяснялись, конечно же, разыгравшимся воображением жертв, в основном детей до десяти лет, которые сумели убежать от преследователя, отделавшись ранами и укусами. Меньше повезло малышам: за 1905 год несколько младенцев исчезло бесследно. Но имя прадеда никак не связывалось с этими жуткими событиями и вообще не возникало на страницах вплоть до года его кончины.

Только тогда корреспондент «Уилбремских ведомостей» обнародовал местные домыслы об Асафе Пибоди. «Скончался Асаф Пибоди, — писал он. — Его будут долго помнить. Многие приписывали ему способности, коими в давние времена обладали значительно чаще, тем теперь. Известно, что во время знаменитых салемских процессов был осужден некий Пибоди. И сам Джедедия Пибоди приехал в наши места из Салема, а затем выстроил себе близ Уилбрема дом. Предрассудки очень живучи, и в них обычно отсутствует логика. Со времени кончины Асафа Пибоди никто больше не видел черного кота, но это всего лишь чистейшей

воды совпадение. И уж совсем нелепы слухи, что гроб не открывали для прощания по причине жуткого вида усопшего и необычности погребального ритуала. К слову, досужие кумушки уверяют, что колдунов и ведьм следует хоронить лицом вниз и ни в коем случае не переворачивать. В крайнем случае их останки нужно сжечь...»

В такой вот странной манере, с явным подтекстом была написана вся статья. Мне же она открыла, к сожалению, даже больше, чем я предполагал. На кота моего прадеда смотрели как на его помощника в черных делах: существовало ведь поверье, что ведьмы и колдуны имеют в своем распоряжении личных демонов, способных принимать любое обличье. Фермеры, конечно же, склонны были в этом случае видеть демона и в обычном домашнем животном, просто очень привязанном к своему одинокому хозяину и никогда не покидавшем его. В моих снах они, кстати, тоже были неразлучны. Несравненно больше насторожили меня слова, относящиеся к особенностям погребения прадеда. Уж кто-кто, а я-то знал, что Асафа Пибоди действительно похоронили лицом вниз. И более того — знал, что теперь он против всех правил перевернут навзничь. Я всерьез начал подозревать, что кроме меня в доме живет еще кто-то, он проникает в мои сны, бродит по окрестностям, летает!

В эту ночь мне снова привиделись сны, сопровождаемые громкими слуховыми эффектами, как если бы на меня изливалась какофония звуков из других миров. В них вновь явился ко мне прадед, творя опять какое-то зло, но в этот раз его хвостатый компаньон порой останавливался и смотрел на меня с торжествующей злобной издевкой. Я видел, как старец в конусообразной шляпе и длинном черном балахоне, показавшись со стороны леса и войдя в незнакомый мне дом через стену, очутился сразу в темной пустой комнате с черным алтарем, перед которым дожидался жертвоприношения Черный Человек. Зрелище было тяжким, но согласно тайным законам сна я был обязан смотреть на это дьявольское деяние. В другом сне я снова увидел прадеда, кота и Черного Человека, на этот раз далеко от Уилбрема, в густом лесу; они стояли среди толпы, собравшейся перед воздвигнутым на поляне алтарем, чтобы отслужить Черную Мессу, а затем предаться диким оргиям. Эти видения были достаточно четкими, но другие казались вырванными из бездонной сумеречной пропасти, полной непривычных цветовых сочетаний и звуковых диссонансов. Земное тяготение, видимо, отсутствовало в этих никому не ведомых мирах, а я обретал там несвойственные мне наяву измерения. Так, я внимал леденящим кровь песнопениям Черного Человека, предсмертным крикам погибающего ребенка, нестройным звукам свирели, извращенным молитвам странной паствы, животным воплям участников оргии. Всё это отчетливо звучало в моих ушах, хотя сами картины я мог и не видеть. Иногда в мои сны вторгались обрывки разговоров или отдельные фразы, производившие на меня крайне тягостное впечатление; несмотря на всю бессмысленность, они тоской ложились на сердце.

— Изберем его?

— Он именно тот, кто нам нужен.

— Потомок Джедедийи, потомок Асафа, опекаемых Балором.

— Он должен предстать перед Книгой.

Иногда в этих причудливых фантасмагориях я видел и себя. Особенно запомнился мне сон, где прадед и кот поочередно подвели меня к огромной черной книге, в которой кровью начертанные подписи горели огнем. Я тоже должен был расписаться. Прадед крикнул Балора, который расцарапал мне руку и, пританцовывая, обмакнул перо в кровь. Когда я писал свое имя, прадед направлял мою руку. Меня очень разволновала поутру связь сна с реальностью.

Дело в том, что в моем сне тропа к шабашу нечестивцев пролежала через болото, мы шли по заросшим осокой склизким кочкам, я то и дело оступался в мерзкую жижу, а вот прадед и кот ни разу не оступились, они словно скользили над болотом.

Утром я проснулся позже обычного и сразу заметил на своих еще вечером чистых ботинках ошметки высохшей черной грязи! Как ошпаренный спрыгнув с кровати, я пошел по следам, оставленным грязными подошвами, которые по коридору и лестнице привели меня в потайную комнату третьего этажа. Заканчивались они, конечно же, в треклятом углу. Я стоял и смотрел, не веря своим глазам. Невероятно, но все обстояло именно так. Свежий порез на руке говорил, что ночные события происходили на самом деле.

Когда я покидал комнату, меня прямо-таки качало, голова кружилась. Так вот почему отец мой с такой неприязнью принял идею продажи поместья. Родители, видимо, слышали краем уха о творящейся здесь чертовщине от деда, который, наверное, и похоронил своего отца вниз лицом. И хотя они с большим сомнением и толикой презрения относились к такого рода предрассудкам, все же у них хватило рассудительности не рисковать и не бросать открыто вызов таинственным силам. Можно было понять и жильцов, не желающих здесь жить и бегущих отсюда как от чумы. Дом стал средоточием неподвластных человеку сил, и я понимал, что в меня тоже проникла зараза, пропитавшая весь особняк. В каком-то смысле меня можно было считать узником дома и его зловещей истории.

Мне оставалось только попытаться отыскать разгадку тайны в дневнике прадеда. Забыв о завтраке, я поспешил открыть тетрадь. Записи, сделанные рукой моего прадеда, чередовались в дневнике с вырезками из писем, газет, журналов и даже книг, относящихся к интересующему его вопросу. Казавшиеся на первый взгляд не связанными друг с другом, эти вырезки рассказывали о разных непостижимых явлениях. Как я уразумел, прадед считал их делом рук колдунов. Его собственные записи встречались редко, однако были весьма многозначительны.

«Всё идет как предполагал. Плоть Дж. восстанавливается необычно быстро. Так и должно быть согласно магическим заповедям. Стоит перевернуть, и всё начинается снова. Возвращается демон-слуга, и с каждой новой жертвой прибавляется плоть. Бессмысленно переворачивать его вновь. Единственный выход — предать огню!»

И еще:

«В доме кто-то есть. Кот? Вижу его, но не могу поймать».

«Это действительно черный кот. Откуда он мог взяться? Тревожные сны. Дважды присутствовал на Черной Мессе».

«Видел во сне кота. Он подвел меня к Черной Книге. Подписал».

«Во сне ко мне явился демон по кличке Балор. Красивый юноша. Объяснил мою зависимость».

И почти вслед за этим:

«Сегодня ко мне приходил Балор. Ни за что не узнал бы его. В виде кота он тоже очень красив. Спросил его, не в этом ли обличье он служил Дж. Он подтвердил. Показал мне место, где стены образуют странный многомерный угол — путь наружу. Его сконструировал Дж. Научил, как выходить через него».

Больше я не мог читать. И этого было больше чем достаточно. Теперь я знал, что случилось с

останками Джедедийи Пибоди. И знал, что мне следует делать. Мучимый страхом, я все же, не откладывая, направился прямо к фамильному склепу и, войдя в него, заставил себя подойти к гробу прадеда. И, увы, только теперь заметил под именем Асафа Пибоди бронзовую табличку с выгравированными словами: «Да падет проклятье на того, кто потревожит его сон!»

Я поднял крышку гроба.

Несмотря на то, что ничего другого я не предполагал увидеть, кровь застыла в моих жилах. Всё изменилось. Раньше здесь были только припорошенные пылью скелет и лохмотья одежды. Теперь же скелет прадеда стал вновь обрастать плотью, понемногу обретаемой с того момента, когда я бездумно послужил Злу, перевернув прах. Но был и другой источник жуткого перерождения покойника, он лежал тут же в гробу — высохший, сморщенный трупик, и хотя младенца похитили менее десяти дней назад, у него был вид выпотрошенной и набальзамированной мумии!

Я выскочил из склепа как ошпаренный, но только для того, чтобы заняться устройством погребального костра. Работал в исступлении, торопился сколь мог, опасаясь, как бы кто-нибудь не заметил; впрочем, опасения мои были излишни — местные жители за версту обходили поместье. Затем я из последних сил выволок гроб Асафа Пибоди с его дьявольским содержимым, точно так же как за десятилетия до этого сам Асаф тащил гроб Джедедийи! А потом стоял у костра, неотрывно глядя, как огонь расправляется с гробом, и только один слыша истошный, полный муки и ярости вопль, уносимый пламенем ввысь.

Угли погребального костра тлели всю ночь, яркое пятно было хорошо видно из моего окна.

Внутри же дома меня ждало нечто другое. Черный кот подошел к порогу моей комнаты и застыл, выжидательно, плотоядно на меня косясь.

И тут я вспомнил тропу через болото, засохшую глину на ботинках, грязные следы, вспомнил и не зажившую еще царапину на запястье, и Черную Книгу, в которой расписался так же, как и Асаф Пибоди.

Повернувшись к еле различимому в полумраке коту, я тихо позвал его: «Балор!»

Он приблизился и уселся уже на самом пороге.

Вынув из ящика стола пистолет, я тщательно прицелился и выстрелил.

Кот по-прежнему пристально смотрел на меня. Даже ухом не повел.

Балор. Один из младших демонов.

Значит, вот оно — настоящее наследство Пибоди! Дом, земля, лес — всё это только прикрытие, за которым прячутся потайная комната, угол, ведущий в иное измерение, тропа через болото к месту шабаша, росписи в Черной Книге.

Кто же, подумал я, перевернет меня после моей смерти?